

**Перевод как вакцина против этнопровинциализма
(чувашский опыт)**

История художественного перевода в чувашской литературе насчитывает около 300 лет, если считать начальной точкой перевод молитвы «Отче наш» в 1733 году, выполненный по настоянию Герхарда Фридриха Миллера (1705-1783), академика, участника Первой Академической Великой Северной экспедиции, неизвестным чувашом-толмачом. Перевод был опубликован в его «Описании трех языческих народов в Казанской губернии, а именно черемисов, чувашей и вотяков» в журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащих» при Императорской Академии наук (июль / август 1756 г.).

В первый период¹ чувашская переводческая практика реализовывалась в деятельности Нижегородской школы под присмотром епископа Дамаскина (Дмитрия Семенова-Руднева – 1737-1795), в которую входили Ермей Рожанский, Григорий Рожанский, Иван Русановский и др., а также Казанской школы под руководством епископа Казанской епархии Вениамина Пуцка-Григоровича (1706-1783). По инициативе последнего была написана первая грамматика чувашского языка («Сочинения принадлежащие к грамматике чувашского языка»). Была опубликована в издательстве Академии наук (СПб.) тиражом в 608 экземпляров. Переводы на чувашский язык в XVIII веке выполнялись в русле идеологии христианского просвещения. Если до этого происходило насильственное и не очень успешное крещение инородцев (чувашей, в частности), то теперь считалось, что христианские концепты нужно внедрять через посредство родного языка инородцев. Один из активных переводчиков того времени Ермей Рожанский писал так: «Хотя приходские священники и учат нас по-русски молиться и преподают нам на русском языке наставления о вере и законе христианских, но нам де все то не так, как на

---

¹ Относительно переводов XVIII-XIX веков мы опираемся на изыскания чувашских литературоведов: Г.Ф. Юмарт. Революиччен чăвашла кусарна поэзи // Чувашский язык, литература и фольклор. Выпуск 4 (НИИ при Совете Министров Чувашской АССР). Чебоксары, 1974. «Дореволюционная чувашская литература. I том. Тексты. На чувашском языке. Чебоксары, 1984; Революичченчи чăваш литератури. XX ёмёрчен. Шупашкар, 1989; Дореволюционная чувашская литература. II том. 2-я книга. Переводы и произведения на русском языке. Чебоксары, 2001; В.Г. Родионов. Чăваш литератури. XVIII-XIX ёмёрсем. Шупашкар, 2006.

родном нашем языке, понятно и ощутительно, и мы по всему тому, яко на чужом языке нам простым людям преподаваемому, не имеем сердечного возбуждения и усердия».

Что и как переводилось в этот период? Вероучительные книги, например, «Краткий катехизис (основы христианского вероучения в форме вопросов и ответов), букварные тексты. Считалось, что эти жанры наиболее доступны и будут легко усвояемы чувашами. «Катехизис...» был издан в 1800 году и стал первой печатной книгой на чувашском языке. Был распространены также переводные и оригинальные оды по случаю того или иного события, или посвященные определенному знатному лицу: «Ода по случаю посещения императрицей Екатериной II крещенской школы в Казани» (1767), «Ода по случаю открытия Казанского наместничества» (1781), «Ода ко дню тезоименитства архиепископа Казанского и Свияжского Амвросия» (1795) и др. В 1803 году 22 января Святейший Синод принимает постановление, в котором в частности предписывается: «...дабы жительствующие новокрещенцы, обращенные в веру греческого исповедания из других религий (...) могли воспользоваться вразумлению и понятием о богопочитании и истинном познании святости христианской веры, то епархиальным архиереям тех епархий предписать, чтобы упоминаемые церковные молитвы, символ веры и десятисловие, а при том и катехизис на татарский, мордовский, чувашский, черемисский, вотяцкий и корельский языки переведены были по обитанию сих народов во внутренних им епархиях (...)». Это стимулировало переводческую практику. В Казанской духовной академии переводится на чувашский «Начальное учение человеком, хотящим учиться книг божественного писания» (состоит из двух частей: катехизис и букварь, издано в Москве в 1804 г.), Петр Талиев (1778-1832) переводит «Пёчкёсё катехизис» (Краткий катехизис) в 1803 году, а также заново молитву «Отче наш». В переводе Алексея Алмазова в Санкт-Петербурге издается книга проповедей и поучений «Слово о христианском воспитании детей» (1820). Переводились и другие книги религиозного содержания: «Кёске святой йомахё» (Краткая священная история)

-1832 г. Чувашский язык постепенно становится книжным языком и занимает место в богослужении, на нем читаются проповеди. Позднее появляются среди переводных текстов и другие жанры: «Мухтав юррисем» (Книга хвалений, или Псалтирь), перевод Стефана Элпидина (Казань, 1858), жития. Н.И. Золотницкий (1829-1880), тюрколог-компаративист, просветитель издал «Чуваш кнеге» (Чувашскую книгу, 1867), в которую вошло житие прекрасного Иосифа (Иосиф хитре сын порнызе), а в «Заметках для ознакомления с чувашским наречием» (1871) публикуются переводы на чувашский татарских, алтайских, казахских мифов, песен, пословиц. Григорий Филиппов переводит «Жития св. Святителей Христовых Гурия, Варсонофия и Германа с прибавлением сведений о мученике-инородце Авраамии Булгарском», а также «Священную историю Нового Завета» (Казань, 1874). Самым значительным памятником первого периода переводов на чувашский язык, наверное, следует считать «Святой Евангель» (святые благовествования от Матфея, Марка, Луки, Иоанна), изданным в Казани в 1820 году.

К 1833 году относится первый опыт перевода чувашских произведений на русский язык. Дмитрий Ознобишин (1804-1877), ориенталист, переводчик, поэт круга С.Е. Раича записал у чувашского певца-импровизатора Хведи Чуваша 15 авторских песен и опубликовал в свое художественном переложении в журнале «Заволжский муравей» (№ 21). Этот опыт оставался единственным вплоть до конца XIX века.

Надо сказать, что в период старочувашской письменности (середина XVIII в. – до 1871 г.) чувашский книжный язык – язык переводных изданий – базировался на верховом (вирьял) диалекте чувашского языка с различными вариантами, не было общепринятых грамматических норм и устоявшегося правописания, но значение его в том, что в чувашскую словесность вошли новые жанры и стили, развиваются такие виды речи как абстрактно-философская, экспрессивно-метафорическая, аллегорическая, расширяется семантика лексем. Наивная языковая картина мира в ее духовном измерении стала глубже и проникновеннее. Мы говорим «словесность», потому что

процесс формирования собственно чувашской литературы и индивидуального авторского сознания происходил на основе развитой и охватывающей всю жизнь чуваша – от восклицания повитухи, молитвы при рождении ребенка до поминальной песни и молитвы при кончине, все ритуальные и трудовые действия, праздненства (свадебные речи и песни, гостевые, рекрутские песни и др.) – устной словесности и переводов, хотя и нехудожественных, а преимущественно религиозного и нравоучительного содержания. Можно согласиться с Дионизом Дюрюшиным, который в свое время писал: «Типологическая обусловленность отбора переводных авторов и произведений особенно ярко проявляется на тех этапах истории национальной литературы, которые характеризуются неустойчивыми литературными нормами. Как правило, это связано с переходом к новой стилевой формации (...). Поиски соответствующих стимулов в инонациональном литературном развитии в этот период становятся особенно актуальны и активизируют переводческую деятельность. Переводная литература органически включается в эволюционный процесс отечественной литературы, в определенной степени восполняет недостаток отечественного эволюционного потенциала (...).² Действительно, в XVIII- первой половине XIX вв. в чувашской культуре происходил переход к новой формации, но не стилевой, а структурной - литературе, при реальном «недостатке отечественного эволюционного потенциала». При этом отбор переводных авторов и произведений в нашем случае был обусловлен реальной ситуацией и идеологией просветительства в христианском (православном) преломлении.

С именем И.Я. Яковлева (1848-1930), чувашского просветителя, создателя новочувашской письменности связан второй период истории чувашских переводов. Со своими сподвижниками и учениками он заложил основы чувашского литературного языка и реализовал среди чувашей программу христианского просвещения своего непосредственного учителя Н.И.

---

² Д. Дюришин. *Посредническая функция художественного перевода* // Перевод – средство взаимного сближения народов. М.: Прогресс, 1987. С.168.

Ильминского (1822-1891), видного востоковеда-тюрколога, миссионера и организатора системы инородческого просвещения среди народов Поволжья и Урала. В 70-е годы XIX века яковлевские буквари как учебные пособия стали употребляться во всех чувашских начальных школах Казанской, Уфимской и Симбирской губерний, чувашский литературный язык все шире внедряется в школу и церковь, а Симбирская учительская школа становится главным учебным и переводческим центром. И.Я. Яковлев тесно сотрудничал с Британским библейским обществом и Российским миссионерским обществом. В центре его внимания по-прежнему остается перевод богослужебных и книг Священного Писания. Он издает пробные переводы евангелий: Матфей (1873), Марк, Лука (1875), Иоанн (1880), «Чӑн тӗн кӗнеки» (Книга истинной веры) – 1872, «Священную историю Ветхого и Нового Завета» (1876). Несколькими изданиями выходит заново переведенная Псалтирь. Подлинным памятником («столпом и утверждением истины» по названию сочинения о. П. Флоренского) явилось издание в 1911 году полного текста Нового Завета. Были начаты и частично изданы переводы ветхозаветных книг: Иов, Руфь, Иисуса Навина, Иисуса сына Сирахова. В 1910 году была издана «Книга притчей Соломоновых» (Казань).³ Все эти переводы на начальном этапе отслеживались и анализировались Апостолом просвещения светом Евангелия Н.И. Ильминским (см. его труды: «Практические замечания о переводах и сочинениях на инородческих языках» -1871, «Опыты переложения христианских вероучительных книг на татарском и других инородческих языках в начале текущего столетия» -1889, «Переписка о чувашских изданиях переводческой комиссии» -1890). Тем не менее переводческая деятельность оказывает влияние и на создание оригинальных произведений. Интересен такой пример. Михаил Федоров начал переводить «Бесов» Пушкина («Мчатся тучи, вьются тучи; // Невидимкою луна, // Освещает снег летучий; // Мутно небо,

---

³ С 1991 года по 2009 год эта работа была продолжена, работала группа переводчиков (писателей, поэтов) в рамках Чувашской библейской комиссии (кураторы – Объединенные библейские общества, Санкт-Петербургское отделение Российского библейского общества), которые завершили полный перевод свода книг Священного Писания. На заключительном этапе работа по переводу и редактированию всего текста проводилась Е.Н. Лисиной, сестрой поэта Геннадия Айги. В России чувашский язык стал вторым языком после русского, на котором имеется полный перевод Библии.

ночь мутна (...) В поле бес нас водит, видно (...) Мчатся бесы рой за роем // В беспредельной вышине, // Визгом жалобным и воем, // Надрывая сердце мне...»). А в результате получилась оригинальная поэма «Арсури» (Леший) с опорой на чувашские мифологические концепты (1879).

К концу XIX века относятся и первые опыты перевода светских произведений, в частности, поэтических. В 1882 году В. Ислентьев публикует «Первую учебную книжку для совместного обучения чуваш и русских», своеобразную антологию переводов, в которую вошли образцы русского фольклора, отдельные стихотворения Пушкина, Жуковского, Крылова, Кольцова, Ершова. Переводится «Азбука» Л. Толстого и его другие учебные книжки для чтения (1882-89). К 100-летию со дня рождения Пушкина Яков Турхан переводит «Романс», «Зимнюю дорогу», «Клятву», пейзажные фрагменты из «Евгения Онегина» и др. Ему же принадлежат переводы «Вечернего звона» И. Козлова, стихотворения Жуковского, Лермонтова, Некрасова, Кольцова.

Хотя в яковлевской школе основное внимание уделялось адекватной передаче христианских заповедей и его ученики были задействованы в этом процессе (так Кесьтентин Иванов, впоследствии классик чувашской литературы принимал участие при переводе пятого издания «Псалтири», переводил «Песнь песней»), они отдавали дань и светскому художественному переводу. К. Иванов и Н. Шубуссинни переводят Лермонтова («Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», «Ангел», «Парус», «Волны и люди», «Утес», «Горные вершины», «Чаша жизни», «Узник», «Три пальмы», «Спор», «Ветка Палестины», «Казачья колыбельная песня»). Лермонтовский сборник был опубликован в 1908 году. Помимо этого К. Иванов переводит отдельные стихотворения Кольцова, Некрасова, Огарева, Майкова, Бальмонта, Н. Шубуссинни - «Цыган» и «Песнь о вещем Олеге» Пушкина. Эндри Турхан с французского переводит «Скупого» Ж.Б. Мольера (1906). В 1907 году выходит перевод учебной хрестоматии для классного чтения А. Баранова («Класра вуламалли кёнеке»). Переводчик И. Степанов прибегнул к

прозаическому переводу и без разбиения на строфы стихов Глинки, Кольцова, Мея, Никитина, Лермонтова, Крылова. Среди переводимых авторов в конце XIX века были также Л. Толстой, В. Короленко, К. Ушинский, Н. Гоголь, С. Аксаков, О. Уайльд, Г. Андерсен. На волне революционного подъема 1905-06 гг. Таэр Тимки переводит «Варшавянку», «Рабочую Марсельезу», «Крестьянскую песню», «Песнь рабочих».

И.Я. Яковлев разделял убеждение своего учителя Ильминского, что «родной язык, именно простонародный, не литературный, а крестьянский» должен быть основой для переводчика, «без которого немислимо ясное усвоение инородцами нравственных, религиозных и научных понятий, как немислимо благотворное влияние на их внутренний духовный мир». Несмотря на такую установку именно переводческая деятельность способствовала созиданию чувашского литературного языка, который «смог свободно воспроизводить христианскую мысль, принесенную чувашам в формах славянского языка и русской речи, в духе собственного гения и соответственно своим традициям» (священник, культуролог М. Петров-Тинехпи – 1887-1938). Чувашский языковед Т.М. Матвеев (1884-1939) итог «яковлевского» периода определял так: «...книжный язык, выработанный в симбирских переводах и освященный школьной практикой и церковью, теперь признан всеми чувашами». При этом как ни странно, несмотря на то, что большая часть переводов за полтора века была связана так или иначе с христианским просветительством религиозные концепты, понятия, образы с трудом входили в чувашское сознание и нашли очень слабое отражение в литературе (отчасти в поэзии Якова и Хведера Турханов, Тараса Кириллова, Каверле Коренькова). Нравственными и эстетическими ориентирами в чувашской поэзии являлись и являются до сих пор Кесьтентин Иванов (1890-1915) и Мишши Сеспель (1899-1922). Первый, один из переводчиков Ветхого Завета, в своей классической поэме «Нарспи» создает чувашский мир (космос), в котором и в помине нет христианского духа. Все происходит согласно предписаниям чувашских богов. И, наоборот, Сеспель лично, трагически, пронзительно выражая

противоречия эпохи, обращается к евангельским образам (Голгофа. распятие, крестный путь и др.), но выступает как поэт-богоборец, *poète maudit* (проклятый).

Привели ли усилия переводчиков первых двух периодов к вхождению чувашской словесности в общероссийский контекст? Приобщение, прикосновение к *иным* ценностям, конечно, произошло, но сама же она оставалась *terra incognita*, ибо переводов с чувашского почти не было, за исключением некоторых ученых трудов с публикациями образцов народной словесности. В этом отношении особенно любопытны статьи видного чувашевода Н.И. Ашмарина (1870-1933) «Очерк народной поэзии у чуваш» (1892) и «Декаденты Запада и поэзия волжских инородцев» (1895).

Третий период переводов (после 1917 года) можно назвать советским. Каких-либо «выходов» чувашского Слова за границы собственно чувашского языка до середины 40-х гг. не произошло. Правда, выходит в г. Горьком небольшая антология чувашской прозы и поэзии «С волжских берегов» (Чувашская АССР тогда входила в Горьковский край). В начале 30-х гг. публикуется небольшая антология прозы и поэзии на татарском языке «Чуваш эдебиятты». В довоенные годы переводилось много русских и советских классиков: Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Гоголь, Тургенев, небольшие вещи Л. Толстого, Горький (пьесы), Леонов, Николай Островский, Шолохов, Л. Кассиль. Переводы эти можно назвать скорее ознакомительными, какими-либо художественными особенностями они не выделялись – их цель именно дать возможность прочитать классиков, так как в это время двуязычие не было широко распространено как ныне и большинство чувашей были монолингвами. Маяковскому пытались подражать, выстраивая строки лесенкой, но и переводили (поэмы «Владимир Ильич Ленин», «Во весь голос» и др.). Есенину много подражали, но не переводили. Востребованность эпических форм отчасти удовлетворялась посредством переводов: «Могила канюка» Й.Л. Рунеберга, фрагменты «Шахнамэ», «Калевалы», армянского эпоса «Давид Сасунский». К наиболее значимым достижениям поэтического перевода можно

отнести «Бориса Годунова» (В. Митта) и первого варианта «Евгения Онегина» (П. Хузангай), выполненных к широко отмечавшейся по всей стране 100-летней годовщине со дня смерти Пушкина. В 1937 году был издан вольный перевод поэмы «Нарспи» на русский язык (А. Петтоки).

До 50-х годов развитие чувашской литературы шло как бы изолированно, это был внутренний процесс. В послевоенные годы путем все умножавшихся переводов на русский она вошла в корпус советской многонациональной литературы. Переводимые авторы обретали российскую и всесоюзную известность. Но уровень перевода оставлял желать лучшего. Если взять поэзию, то, на мой взгляд, шесть крупнейших чувашских поэтов XX века так и не получили подлинного художественного перевоплощения. Это К. Иванов, М. Сеспель, С. Эльгер, Н. Шелеби, П. Хузангай, В. Митта. Наиболее переводимым текстом чувашской литературы на разные языки остается до сих пор поэма «Нарспи», написанная 17-летним юношей-поэтом (только на русский язык имеется семь переводов!).

Есть, конечно, в чувашской литературе, особенно в поэзии следы взаимодействия и связей на базе типологической общности с литературами поволжско-уральского региона, с другими национальными традициями. В плане освоения других традиций путем поэтического перевода было сделано представителями старшего поколения, «поколением отцов». Благодаря их усилиям в 50-60-е годы была неплохо представлена украинская поэзия (Шевченко, Тычина, Рыльский и др.). На украинско-чувашские литературные связи влияло и то обстоятельство, что в городе Остре находится могила М. Сеспеля (поэт, огненный Ангел чувашской поэзии покончил жизнь самоубийством в возрасте 22 лет в селе Старогородка) и туда постоянно совершались паломничества чувашских делегаций. На Украине интересовались судьбой и наследием Сеспеля, образовался круг его почитателей и, соответственно, чувашской поэзии. Также активно переводилась болгарская литература, связанной с чувашской корнями дославянской генетической общности. В Болгарии образовался своего рода круг чувашефилов: Ламар,

Ангел Тодоров, Веселин Йосифов, Димитр Методиев, Елисавета Багряна, Блага Дмитрова, Йордан Вълчев. В 70-е годы завязался диалог с венгерской литературой. В Венгрии были изданы отдельными книгами «Нарспи», чувашские народные сказки и песни, стихотворения Г. Айги, который в свою очередь подготовил антологию «Поэты Венгрии» (1974). Надо сказать, что в Венгрии интерес к чувашскому языку и – шире – культуры имеет давние и богатые традиции. Уже в XIX-начале XX вв. были важные публикации Й. Буденца, А. Регули, Д. Мессароша, З. Гомбоца, Д. Немета. Их дело продолжили А. Рона-Таш, Г. Берецки, А. Беде, Ж. Раб, Ч. Варга Иштван, К. Чех, И. Оравец. В 1985 году в Эгере (городе-побратиме Чебоксар) была издана антология поэзии «Csuvas szó» (Чувашское слово).

Четвертый период переводов я датирую 1968 годом. Выходит в свет составленная и переведенная Г. Айги антология «Франци поэчсем» (Поэты Франции) – от Франсуа Вийона до Ива Боннфуа, Рене Шара, Пьера Эммануэля. Причем тексты многих современных французских поэтов, которые были включены в антологию, в то время не были переведены даже на русский язык. Тремя годами позже составитель-переводчик этой антологии был удостоен премии Французской Академии им. Поля Дефея. Затем последовали уже упомянутая антология «Венри поэчсем» и «Польша поэчсем» (Поэты Польши) – 1987. К переводам была привлечена уже достаточно большая группа чувашских поэтов (составление же, большая часть переводов - опять же Г. Айги). Это была дань уважения к поэтической традиции данных народов, с другой стороны, введение в чувашскую поэзию новых смыслов и эстетических ценностей. Было важно, чтобы чувашское национальное прошло через «поиск самого себя» в д р у г о м, «ч у ж о м», должно было отстоять свою с а м о с т ь при соприкосновениями с иными национальными традициями. Уметь различить другие голоса и вести свою партию, не нарушив фальшивой нотой стройного созвучия. Перевод и был таким полигоном, где контакты, связи, соприкосновения осуществлялись напрямую.

С начала 70-х годов Г. Айги начал подготовку антологии чувашской поэзии, в которой ему хотелось представить нравственно-этический образ чувашского народа, ключ к основному коду чувашского народного мировоззрения, непрерывность линии развития чувашского поэтического слова. В предисловии к итальянскому изданию Айги писал: «...должен сказать, что в настоящем случае мы получаем гораздо больше, чем отдаем, ибо выход этого итальянского перевода, безусловно, имеет неопределимо огромное значение для всей чувашской культуры (...) Чудесной волею судеб первый выход чувашской антологии, представляющий вообще первый выход чувашской литературы на европейскую арену состоится на родине Данте».⁴ Сам Айги мечтал в этой связи, а, может быть, и ранее об антологии итальянской поэзии на чувашском языке. В свое время он переводил сонеты Данте, а также *Cantico di frate Sole* св. Франциска Ассизского (Хёвел пиччене халалланĕ мухтав юрри).

По эгидой ЮНЕСКО антология чувашской поэзии была издана также на английском и французском языках.⁵ В 2004 году антология была опубликована и на шведском языке.⁶ В своем основном корпусе антология состоит из трех частей: 1. Устные тексты (молитвы, заклинания, заговоры). 2. «Речи» и песни. 3. Стихотворения и этнографические очерки нового времени. Если первые две части представляют чувашскую народную поэзию в ее наиболее характерных жанрах, то в части третьей мы находим собственно авторские тексты (от Хведи Чуваша до Марины Карягиной). Большею частью это поэзия в лице таких ее представителей, которые в своем индивидуальном творчестве и практике «письма» по-своему преломляют уровень национальной нормы, опираясь на корневую систему народной словесности. То есть, в антологии «Глаза полей»

---

⁴ I CANTI DEI POPOLI DEL VOLGA. I Gennadij AJGI. ANTOLOGIA CIVASCIA. Edizione italiana a cura di Gianroberto Scarcia e Alessandra Trevisan //Quaderni di Iranistica, Uralo-Altaistica e Caucasologia dell'Università degli Studi di Venezia.23. Roma, 1986. P. 8. См. нашу рецензию «На языке Данте и Петрарки» // Вопросы литературы,1986, № 11. С.244-251.

⁵ An Anthology of Chuvash Poetry. Compiled and introduced by Gennady Aygi. Translated by Peter France. UNESCO / Forest Books. 1991. – 220 p. L'Œil des champs. Antologie de la poésie tchouvache, établie et présentée par Guennadi Aïgui. Traduit sous la direction Léon Robel par Marc Bodin, André Dalmas, Michel Deguy, Marcelle Fonfreide, Louse Herlin, Claude Mouchard, Pierre Pachet et Léon Robel. Circé / Éditions Unesco. 1996. – 302 p.

⁶ Fältens ögon. Sammanställd av Gennadij Ajgi. Översatt från ryskan av Annika Bäckström. Ariel Skrifter 21. 2004. – 282 s.

(таково ее название во французском и шведском изданиях)⁷ мы видим непрерывную линию развития чувашского поэтического слова – от колыбельной до поминальной молитвы, стихи наших великих, больших, средних и малых поэтов. Это все единый духовный мир, в котором достойно и на своем месте сосуществуют боги и люди, одушевленная природа, растения, животные. Едины земной и иной, потусторонний, миры, почитаются старшие, семья, родные и основой всему труд оратая, а жизнь проходит по строгим, хотя и неписаным чувашской этики и эстетики. Антология представляет как бы квинтэссенцию чувашского народного самосознания, миропонимания («склад души и образ взгляда на вещи») и в то же время личностные устремления отдельных поэтов. Как пишет сам составитель в своем обширном предисловии, содержащем необходимую в данном случае историко-культурную информацию о чувашах, чувашском языке и знаковых личностях, определявших пути становления народа в целом, что это «попытка передать... хоть что-нибудь от того круга света, который ...есть духовно-нравственный облик чувашского народа, таинственно мерцающий за всеми текстами...»

В 90-е годы по инициативе того же Геннадия Айги возникает отчасти игровое, карнавальное, но в первую очередь творческое, Чувашское Бельмановское братство (Чăваш бельмансисен тăванлăхĕ). Оно и возникло на основе переводов опусов знаменитого шведского поэта и музыканта Карла Микаэля Бельмана (1740-1795). При поддержке Шведского института дважды выходила его книга на чувашском языке: К.М. Бельман.Сывлăха, тăвансемĕр / Scål, käraste bröder. Фредман эпистолисем. Фредман юррисем. Фредман халалĕсем. Шупашкар: Руссика, 1995, 1999. Помимо Айги в переводе участвовали Ю. Айдаш, Ю. Семендер, П. Яккузень, И. Трер. Бельмана даже стали петь на чувашском языке. В культурных действиях чувашских бельманистов поэтическое слово, музыка и перформансы сливались в нечто единое и создавали атмосферу со-творчества, со-общения и со-дружества.

---

⁷ Переводчики выбирая его, очевидно, отталкивались от чувашской пословицы *уй куслă, вăрман хăлхалă* «поле глазасто /видит/, лес ушаст /слышит/».

Проводились международные поэтические фестивали (2005,2006) с изданием трех альманахов (опять же при поддержке Шведского института): Скандинавия-Волга; Атáлпа Тинёс хушшинче (Между Волгой и Морем); Скандинави-Атáлси (Скандинавия-Поволжье). Сам Айги, вероятно, намеревался собрать антологию «Поэты Швеции» и интенсивно переводил шведских поэтов: Вернер Аспенстрём, Гуннар Экелёф, Густав Фрёдинг, Ларс Форсель, Ларс Густафсон. Среди особо любимых – Харри Мартинсон с его поэмой «Аниара», которая была частично переведена на чувашский, и Тумас Транстрёмер. Обращался он и к переводу средневековых шведских стел. Среди его замыслов была антология кельтской поэзии, он переводил шведских, бретонских поэтов. Скандинавское направление переводов сейчас осуществляет своеобразный переводческий тандем: Иосиф Трер и Дмитрий Воробьев. Первый переводит на чувашский, второй – на русский. Этот тандем издал поэму Кристиана Лундберга «Все и это счастье из Ничто / Çак пёр-пётём телей - пёр Нимёnten» (2005), а также «Суйласа илнисем» (Избранное) норвежского поэта Тура Ульвена (2010).

Конечно, в нашем переводческом хозяйстве много лакун... Так почти совершенно не представлена линия развития русской поэзии, идущая от Боратынского, Тютчева. Как и во многих других урало-поволжских литературах за редкими исключениями отсутствует «серебряный век» русской поэзии. Думаю, что для поэта важно найти себе собеседников в других национальных традициях. Перевод – это д и а л о г, он должен быть л и ч н о с т н ы м . Пока этот процесс не системен, встречи личностей и поэзий через личности на почве перевода на чувашский и с чувашского носят случайный характер. А как нам нужны переводчики со знанием языков, хотя бы в рамках урало-поволжского региона, то есть башкирского, татарского, марийских, мордовских, удмуртского.

Другим не важным аспектом проблемы перевода является выход национальной литературы в мир. Должно сохраняться цельное ощущение культуры, чтобы каждая переведенная на другой язык страница книги народа

отражала ту или иную грань его бытия, его мирозерцания. Чтобы болгарин или венгр, поляк или француз за строчкой книги, за словом мог видеть не просто текст, а свидетельство о судьбе народа. Мы хотим предстать перед другим народом цельно и монолитно, мы хотим дать что-то миру, который так много дает нам. Может быть, только перевод дает единственную возможность идти в общему горизонту.